

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Заговор обреченных
С первого взгляда	Узнай меня
Второй подарок судьбы	Заповедник потерянных душ
Зеленые глаза викинга	Ангел мщения
Тайна, приносящая смерть	Первый шаг к пропасти
Цвет мести – алый	Вкус запретного плода
Не доставайся никому!	Исповедь обманутой жены
Чужая жена – потемки	Свидетельницы зла
Возвращаться – плохая примета	Королева отшельников
Врачебная тайна	Игры небожителей
Призрак другой женщины	Грех с ароматом полыни
Тайну хранит звезда	Кукла-любовь
Семь лепестков зла	Позови ее по имени
Свидание на небесах	К северу от любви
Ведьма отмщения	Пепел прошлого
Программа защиты любовниц	Без крестной феи
Кинжал в постели	Псевдоним украденной жизни
Гнев влюбленной женщины	Цена откровения
Лучший день в году	Конец игры с продолжением
Нирвана для чудовища	Шоу семейных секретов
Незнакомка с тысячью лиц	В интересах личного дела
Последнее прибежище негодяя	Правда персонального формата
Счастье с третьей попытки	Простить нельзя помиловать
Подвенечный саван	Лабиринт простых сложностей
Заклятие счастья	Теория вероятного чуда
Торговка счастьем	Забавы мертвых душ
Амур с оптической винтовкой	Преступные игры гения
Месть Спящей красавицы	Тайна за семью печалями
Демон ревности	По следам старых грехов
Преступно счастливая	Золотое правило молчания
Изменница поневоле	Дневники преступной памяти
Закон сильной женщины	Последний секрет на троих
Без вины преступница	Сто причин поверить
Пленная птица счастья	Маршрут случайных пассажиров
Ничего личного, кроме боли	Тест на доверие

ГАЛИНА РОМАНОВА

**ОСКОЛКИ
ЛЕДЯНОЙ ДУШИ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Осколки ледяной души : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-220566-8

От Тани Верещагиной ушел муж. Как жить одной, где искать новое счастье?.. Жизнь казалась ей пустой и унылой. А тут еще и странности начались: во дворе дома то и дело появляется загадочный человек в черных одеждах и белых носках. Неужели это предвестник несчастий? Ведь после встречи с ним умерла Танина соседка. Вскоре погибла другая... Двери их квартир до этого кто-то пытался взломать. Когда Верещагина увидела, что и ее дверь хотели вскрыть, она в ужасе убежала из дома. Но разве можно спастись от черного человека? Да и кто он?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г. В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-220566-8

ГЛАВА I

То, что было ему нужно, лежало на виду.

Небольшую музыкальную шкатулку никто и не думал прятать. Ума не хватило или осторожности. Она стояла на краешке старомодного полированного серванта, в центре белоснежной накрахмаленной салфетки, сплетенной чьими-то умелыми руками. Небольшая пластмассовая шкатулка с изображением златоглавой по всему периметру. Наверняка чей-нибудь сентиментальный подарок к годовщине великой Победы. Наверняка...

Он самодовольно улыбнулся, но так, чтобы улыбку его никто не заметил. Спугнуть с таким трудом установившееся доверие нельзя. Не за тем он здесь.

Он вошел, огляделся, восхищаясь чистотой и уютом. Это всегда пленяло, он знал. Пленяло и раскрепощало.

— Может, чаю? — вдруг спросили его, невзирая на позднее время, совершенно, казалось бы, неподходящее для чая.

— Чаю? — переспросил он, еле оторвав взгляд от вожащенной шкатулки.

Приоткрыть изящную крышечку и заглянуть внутрь хотелось до зуда в ладонях. А еще больше хотелось поддержать в руках то, что лежало внутри. Он обожал подобные вещи. Пускай они не задерживались у него и никогда он не был им хозяином. Но держать в

руках, ласкать подушечками пальцев и любоваться какое-то время было для него слаще вечного обладания. Пускай на время, пускай не навсегда, но держать и любоваться...

— Чаю? — снова переспросил он. — Что же, давайте чай.

Это была суцая импровизация. Ему не следовало задерживаться здесь надолго. Надо было отвлечь либо отключить внимание. Забрать то, за чем пришел. И исчезнуть под покровом ночи, быстро и по возможности незаметно. Но предложили чай... Может, оно и к лучшему, не придется никого трогать и причинять вред. Пока идет возня с чашками, сахарницами и заварочным чайником, он быстро заберет то, что отслеживал последние четыре месяца, и уберется прочь.

У него почти получилось. Почти...

Он так торопился, так внимательно прислушивался к шуму на кухне, что совсем упустил из виду тот факт, что шкатулка была музыкальной. Грубый скрежет металлических аккордов ворвался в комнату, заглушив и громкое тиканье старомодного будильника на столе, и звон посуды на кухне.

«Черт!» — едва не выругался он вслух. Все же без грубой физической силы не обойтись. Он так этого не любил, но, как говорится, обойти форс-мажорные обстоятельства не удастся.

— Что такое?! — раздался возмущенный возглас за его спиной. — Чего это вы шарите по моим вещам?!

— Было ваше, стало наше, — быстро произнес он, убирая вожделенную вещицу в карман, повернулся на каблуках и резко ударил в висок.

Удар был хорошо поставлен, выверен и разил наповал. Он это знал, но отчего-то немного промахнулся. Пришлось дорабатывать и слушать сдавленный хрип и хруст височной кости. Бр-р-р, ох уж эти обстоятельства непреодолимой силы. Он терпеть их не мог. Ну да

ладно. Случается всякое. Теперь нужно протереть все, чего касался, и незаметно исчезнуть.

Он достал из кармана заранее заготовленный платок. Вытер тщательно все, даже чего не касался. Еще раз проверил пульс, вернее отсутствие одного, и лишь тогда покинул квартиру.

Встреча назначена лишь через час. Но клиент совершенно неожиданно позвонил.

— Да, — приглушенно проговорил он, выезжая на проспект.

— У тебя? — спросили, забыв поздороваться.

— Угу... — Он вильнул, едва не задев бампером крутой «бумер», выругался про себя и повторил нетерпеливому клиенту: — Все у меня, не стоит так нервничать.

— Без проблем? А то смотри, мне осложнения ни к чему. Замешаны достаточно влиятельные люди и...

— Все нормально, — перебил он и ухмыльнулся.

Так он и рассказал заказчику о своих проблемах, как же! И о том, что первый удар пришелся вскользь, и о том, как долго пришлось торчать в подъезде, чтобы не видели, когда он оттуда выходит. Это его печаль и ничья больше. И ему с этим справляться в одиночку. Но он справится. Обязательно справится. Такое случилось и прежде, и всегда ему везло...

ГЛАВА 2

Надежда Ивановна опять скандалила. Громко, с упоительным надрывом она поливала кого-то, невидимого Татьяне, и голос ее метался растревоженной воиной, задевая встрепанными крыльями бетонные стены многоэтажек, взявших в хоровод их уютный заасфальтированный дворик.

Вылезать из-под одеяла совершенно не хотелось. С наступлением осени, прямо с первых ее дней в квар-

тире стало прохладно и неуютно. Будто и не жарило солнце минувшие три месяца, нагревая паркетины до того, что по ним было больно ступать. И будто не приходилось занавешивать окна и поднимать жалюзи лишь после семи вечера, когда солнечный раскаленный диск медленно, словно нехотя, исчезал за выступом крыши соседнего дома. Казалось, конца этому изматывающему пеклу не будет. А потом разом бац и все, тепла как и не бывало. Засентябрило прямо с первых чисел. Тут вам и густой, будто кисель, туман по утрам, и ленивый промозглый дождичек к вечеру. После горячей ванны залезть под теплое одеяло и поскорее уснуть стало для Татьяны пределом всех ее дневных мечтаний. Ничего с таким отчаянием она так не жаждала, как конца этого бесконечного дня...

Этим бесконечным дням...

А тут еще Надежда Ивановна со своими воплями. А может, ну ее к черту, а?! Может, продолжать лежать и не вникать, а?!

Нет... Пропустить скандальную проповедь она не имела права. Пару недель назад Надежда Ивановна так же вот захлебывалась праведным гневом. Татьяна тогда только-только ввалилась в квартиру, швырнула ключи на полку под зеркалом и, сбросив с ног туфли, повалилась без сил на диван в гостиной. Тут-то ее и настиг визгливый тенор соседки с первого этажа. Подниматься с дивана, выходить на балкон и, перевесившись через перила, вникать в суть проблемы в тот момент не было ни сил, ни желания. Как впоследствии оказалось — зря. Надежда Ивановна орала конкретно на ее машину, попутно не забывая полоскать и ее — Татьяну — лично...

Крики под окнами между тем набирали обороты. Кажется, к Надежде Ивановне присоединился кто-то еще и еще. Татьяне все же пришлось встать. А ну как задние колеса ее «Мазды» опять взгромоздились на

бордюр, что тогда?! А тогда придется снова одеваться, выходить на улицу и парковаться еще раз. Тоска...

Татьяна пошарила рукой в изголовье, нашла выключатель и, зажмурившись, щелкнула им. Мягкий свет, окрашенный абажуром в розовое, вкрадчиво пополз по ее спальне. Широченная кровать, предмет их недавней супружеской гордости. Две тумбы с зеркалами в изголовье. Белый полированный шкаф для одежды. И целый ряд фотографий в дорогих рамках на стене. Ровный длинный ряд на ровной длинной стене.

С этими фотографиями была просто беда. На них, на этих фотографиях, они все улыбались и были беспечны и просто до неприличия счастливы. Она, ее Санечка и Иришка...

Татьяна бросила вороватый взгляд на портреты и тут же поспешно отвела его. Ей нельзя было смотреть туда, совсем нельзя. Если начинала смотреть, сразу становилось худо. Разом начинало все болеть и моментально требовалась подушка. Хотелось ухватить ее зубами и выть в нее глухо и страшно. И так ведь выть, чтобы не услышали соседи. Сколько порывалась снять эти фотографии к чертовой матери. Снять, сложить ровной стопкой в картонную коробку, заклеить скотчем и убрать на антресоли. Чтобы не видеть, как этот дурацкий розовый свет молодит их застывшие перед камерой лица. Чтобы не вспоминать, чтобы не болеть и чтобы не плакать...

Светка не велела. Единственный человек, оставшийся у нее после бегства всех остальных.

Светка... Светуля... Светланка...

Верная, преданная и порядочная. Таких правильных и порядочных Татьяна больше никогда и нигде не встречала. Только вот Светка одна.

— Не смей трогать! — прикрикнула подруга, когда Татьяна поделилась с ней своими замыслами. — Не тобой повешено, не тобой будет и снято.

Портреты вешал Санечка.

Ее голубоглазый, белокурый и кудрявый, как Есенин, Санечка.

Первая и последняя ее любовь, ее боль, ее нежность.

Это она так определила для себя. Светка, правда, не верила.

— Ой, да брось! Все пройдет! — вещала она, занавешиваясь от нее сигаретным дымом. — Э-ээх, Танька, нам ли жить в печали?! Ты у нас кто? Ты у нас личность! Квартира у тебя, машина опять же, должность. Заместитель генерального это вам не хрен в огороде. А Санечка твой кто?!

— Кто? — сипела Татьяна, с трудом продирая свой голос сквозь слезы и табачный дым от Светкиной сигареты.

— Он, Танька, сволочь! Интеллигентная утонченная сволочь! Поверь мне и не печалься!..

Татьяна верила, но не печалиться не получалось. Но верить — верила безоглядно. Ей просто ничего уже не оставалось, как только верить Светке. Да и верить-то особо больше некому. Ведь никого, кроме Светки, у нее не было.

Даже Иришки...

— Ирка твоя тоже засранка хорошая, — рубила ладонью воздух Светка. — Где это видано, чтобы от родной матери к отцу сбежать! И что ей там, у отца-то?.. Пустая хлебница с холодильником да тараканы по углам!

— Он ненавидит тараканов, Свет. Он вывел их чем-то, — вяло протестовала Татьяна, все так же через силу выдавливая из себя по слову. — И хлеб они покупают. И колбасу, и сахар...

Лучше бы ей было не вспоминать этот злополучный сахар, потому что Светка тут же кашляла от дыма, сатанела лицом и начинала страшно материться.

Татьяна ее понимала. Ох, как она ее понимала! Этот злополучный сахар испортил им жизнь. Всем троим: ей, Санечке и Иришке. Казалось, что с него, с этого сыпучего кристаллического продукта и начались все беды в конкретно ее личной жизни.

А началось все... Как бы не споткнуться в воспоминаниях... Да, точно! Началось все со сватовства, если, конечно, можно этим патриархальным словом осквернить сам факт знакомства Санечки с ее мамой.

Ох уж эти мамы!..

На каждого по одной богом дадено, но таких, как у Татьяны, она была просто уверена в этом, не было ни у кого.

Ее мать была монстром во плоти и по сути своей.

Унизить, прижать к земле, заставить сомневаться, ненавидеть себя... Это было для мамочки удовольствием, ежедневной утренней разминкой, смыслом жизни.

— Ты?! Ты дочка?! Да ты же неудачница, каких поискать! — восклицала обычно мать, когда Татьяна пыталась поделиться с ней своим очередным проектом. — Тебе ли в это влезать с твоими куриными бабьими мозгами! Тебя же растопчут на второй день, растопчут и вытрут о тебя ноги!

Пока что мать с этим успешно справлялась в одиночку. Идею Татьянинного замужества, к примеру, родительница высмеяла через три минуты после того, как услышала о ней.

— Ты просто дура! — подло ухмыльнулась она своему отражению в зеркале, сидя к дочери спиной. — Могла бы выбрать кого-нибудь поинтереснее. Холостных дипломатов пруд пруди. То общество, куда мы с тобой входи, просто кишит приличными обеспеченными мужчинами, а ты... Ну, я готова была бы даже смириться с депутатом. Бог с ним, сейчас такое время... Но экономист!!!

В ее устах это звучало просто ругательством. Ни-

какие Татьянины аргументы не шли в пользу Санечке. Ни его опыт, ни востребованность на рынке труда. Даже его обеспеченность жилплощадью казалась минусом.

— Квартира какая! — фыркала мать с преувеличенным презрением. — Двушка в восьмизатжке! Это ты считаешь приличным жильем?! Ты там так и состаришься в этой квартире. Состаришься и умрешь! Кого я вырастила, боже?.. Ну, дура же душой... Замуж она собралась!..

Замуж Татьяна все-таки собралась. Невзирая на яростный протест матери. Невзирая на сотню приведенных ею контраргументов. Невзирая на мучительное мимолетное сомнение. Что было, то было, сомневалась иногда. Не часто, правда, но все же...

И в результате Санечка пришел в их с матерью дом о двух этажах совершенно неподготовленным. Нет, он, конечно же, был прилично одет и причесан. Розы, шампанское, дорогие конфеты и все такое. Как говорится, все при нем. Не было одного — стойкости. Он не умел держать удар. И она его сломала. В смысле — мать.

Сначала она долго и придирчиво рассматривала подарки. Мило улыбалась и интересовалась ценой и местом приобретения. Потом усадила за стол и продолжила...

— А ваши родители, они?..

— Простые люди. — Санечка бесхитростно улыбнулся. — Мама — медицинская сестра. Отец — токарь.

— Как же они учили-то вас, деточка? Тяжело, наверное, было.

Ее лжесочувствия он снова не разглядел и продолжал в том же духе. Рассказал все без утайки. И как масла сливочного неделями не видели. Мясо? Какое мясо, помилуйте!.. Молоко? Молоко иногда покупали.

Когда начал подрабатывать, стало полегче. Кем подрабатывал? Да вагоны разгружал...

Мать слушала очень внимательно, время от времени бросая на помертвевшую Татьяну искрометные взгляды. Она бы даже затруднилась сказать, чего в этих взглядах было больше, торжества или ехидства. А может, и того и другого пополам.

— Идемте, Александр, я покажу вам наш дом, — проговорила маман, вдоволь натешившись его унижением. — Идемте...

И они пошли.

Мать провела его по всем шести комнатам, включая все малюсенькие кладовки и крохотную комнатку под лестницей. Подробно остановилась на каждом предмете мебели, живописуя его баснословную стоимость, проблемы транспортировки и нерасторопность продавцов при продаже. При этом она театральнo всплескивала руками, закатывала под редкие брови водянистые глаза и все время спрашивала:

— Вы представляете, Санечка?!

Конечно же, он не представлял! Да и мог ли он! Татьяна и сама порой затруднялась ответить: зачем нужно покупать диванчик для холла по стоимости отечественных «Жигулей». Или это новое кашпо, последнее приобретение матери... Красиво, несомненно. Но цена!.. У Татьяны и сейчас при ее материальной независимости не было возможности отдать за цветочный горшок свой оклад. Но мать...

Она была и оставалась тем, кем была: властной, непримиримой, безжалостной и капризной, когда дело касалось ее прихотей.

Потом был семейный фотоальбом в дорогом кожаном переплете.

— А это мы с Танюшей в Италии... Это Англия. Вы там не бывали, Саша? Ах, да, о чем это я! — следовал коротенький смешок, и снова: — Это первая Танечки-

на норковая шубка. Ну не прелесть ли! Она тогда только начала ходить. Вам нравится, Саша?! Вам не может не нравиться...

Он занервничал где-то через час. Принялся крутить шей, теребя неумелый узел галстука, и все время то расстегивал, то застегивал верхнюю пуговицу белоснежной дешевой сорочки. Мать все это видела, но не унималась.

— Идемте, Саша, я покажу вам Танины украшения...

Смотреть Танины украшения Санечка отказался наотрез, но вот от чая не отказался. А зря! Лучше бы наоборот. За чаем мать его добила окончательно.

— Что это вы, Сашенька, всего одну ложечку сахара кладете на такую громадную кружку?! — Сама же притащила из кухни эту кружку, мотивируя это его мужской ненасытностью, и сама же... — Вы не стесняйтесь, не стоит.

— Я и не стесняюсь. — У Санечки покраснели сначала уши, затем щеки и едва заметно задергалась верхняя губа. — Так привык.

Он-то, дурачок, думал, что лаконичность ответа она сочтет за достоинство, но ошибался. Пожилая женщина тут же расхохоталась квакающим ненатуральным смехом, потом закашлялась и, обмахиваясь ухоженными ладошками, запричитала:

— Что же вы, Сашенька, не намереваетесь расставаться со своими привычками?! Полноте, милый вы мой! Уж в чем в чем, а в сахаре мы вам отказать не можем. Какой бы трудной ни была ваша прежняя жизнь, уверяю вас, недостатка в сахаре у вас теперь не будет. Уж я этого не допущу...

Татьяна готова была ее задушить. Погрузить пальцы в рыхлую бледную кожу хлипкой шеи маменьки и давить, давить, давить... Никогда прежде и никогда по-

том она не испытывала подобной ненависти. Но в тот день!..

— Уж поверьте мне, Саша! — продолжала захлебываться смехом мать, откинувшись на высокую спинку стула. — Не допущу, поверьте!

Он всему поверил. И тому, что эта ужасная женщина по-настоящему ужасна. И тому, что она не даст им с Татьяной возможности жить долго и счастливо и умереть в один день. И тому, что он перед ней просто-напросто бессилен. Об этом он так и заявил своей любимой, в изнеможении облокотившись на причудливо изогнутые перила крыльца.

— Зря мы с тобой, малыш, все это затеяли, — пробормотал он подавленно и, стащив через голову галстук, растегнул на сорочке сразу три пуговицы. — Ничего не получится... Зря!

— Ничего не зря, — прошептала тогда Татьяна и заплакала беспомощными злыми слезами. — Как ты можешь мне говорить о таком! Как ты быстро сломался, Санечка!

— Сломался не я, Танюша. Она просто... Она просто ломает все в нас, понимаешь!

Тогда она этого не понимала, Санечка в этом отношении оказался намного дальновиднее. Она вот не смогла, а просто, рыдая, проговорила:

— Не нужно было затевать этого знакомства. Со всем не нужно. Нужно было взять свой халат и тапочки и переехать к тебе...

Так она и поступила. Ничего не взяла из дома матери, кроме нижнего белья, любимого длинного халата и милых сердцу мохнатых теплых тапочек.

И стали бы они жить-поживать да добра наживать, как бы не мать да не злополучный сахар.

Сказки со счастливым концом не получилось. Их счастье было изначально обречено. Так ей Санечка и заявил, в очередной раз рассыпав сахар по полу на их

небольшой кухне. Татьяна тогда только успела выйти из душа и, опаздывая на работу, металась по квартире в поисках массажной расчески.

Она вбежала на кухню, подскочила к подоконнику, намереваясь найти расческу, может быть, под шторкой, и тут этот омерзительный скрип.

— Опять!!! — взвизгнула она; не хотела, конечно, верещать, да так получилось. — Ты опять это сделал?!

— Что? — Санечка, не поднимая головы, неторопливо помешивал чай в высоком тонкостенном стакане.

Он постоянно пил чай из таких стаканов. Тонкое стекло, не выдерживая кипятка, зачастую лопалось, но мужу было на это наплевать. Он со странным постоянством снова и снова доставал с полки очередной стакан, точную копию предыдущего, и пил из него чай.

— Ты опять рассыпал сахар, Саша! — взывала Танечка, сраженная его меланхоличной неторопливостью даже больше, чем самим фактом того, что под ногами опять скрипит сахар. — Неужели так тяжело: взять эту чертову банку и, придерживая ее за самый край двумя руками, остороженько всыпать сахар в сахарницу?! Это так сложно?!

— Нет. — Он как-то неуверенно пожал плечами. — Нет... наверное. Но у меня почему-то не получается. Это такая проблема, Танюша, из-за которой стоит так кричать?

— Это не проблема, если подразумевать просыпанный тобой сахар, но это проблема, если подразумевать твоё ко мне отношение! — Она со злостью сдула прядь волос, упавшую ей на лицо, и с силой дернула на себя шторку кухонного окна; массажи там не было. — Ты знаешь, как меня это раздражает, и тем не менее каждое утро делаешь это! Раз за разом!!! Утро за утром!!! Год за годом! Как мне это расценивать, Саша?!

— Да как хочешь! — Он поднял на нее умные голу-

бые глаза и невесело хмыкнул. — Тебе тяжело со мной, я знаю. С самого начала было тяжело, но...

— Но?! — выдохнула она угрожающе и вызывающе высоко задрала подбородок.

— Но ведь и мне с тобой не просто, Таня! С самого первого дня, с той самой первой минуты, как я стал твоим мужем, я живу с ощущением того, что меня благодетельствовали. Это же надо — какое счастье!!! Это же надо, как тебе, Саня, повезло! Такая умница, красавица, обеспеченная опять же! А кто-нибудь спросил меня: мне оно надо?!

— Чего тебе не надо? — подобных разговоров прежде не было.

Было угрюмое молчание на неделю, робкие попытки с обеих сторон наладить как-то что-то и постоянное делание вида, что ничего не произошло, но вот чтобы так...

Татьяна растерялась. Взгляд ее заметался по кухне, перепрыгивая с предмета на предмет: стол, холодильник, пара навесных шкафов, мойка, рабочий стол — вполне стандартный набор на их стандартной тесной кухне, ах да, еще три табуретки. Она снова прошла рассеянным взглядом по мебели. Тут массажка и нашлась. Кто-то додумался положить ее на холодильник. Холодильник был двухкамерным и почти упирался в потолок, и вот там-то и лежала эта дурацкая расческа, с которой все и началось. Или все же с просыпанного мужем сахара?.. Ну да неважно это было уже сейчас. Важно было дотянуться до массажки, попытаться потом хоть как-то уложить волосы и как можно быстрее ускользнуть на работу. К черту эти бессмысленные разговоры! К черту утреннее недомогание друг другом! Да и сахар, скрипевший под ногами, тоже к черту. Тот, что просыпали, подметется потом. Нужно было убежать сейчас, а вечером просто

сделать вид, что ничего этого не было утром. Так было не раз, и так будет еще, но...

— Нам нужно расстаться, Таня, — совершенно обыденным голосом, будто речь шла о покупке макарон в супермаркете за углом их дома, проговорил ее Санечка. — Сказки не получилось. Наше счастье было обречено с самого начала. Я предупреждал тебя, а ты...

— А я?... — у нее тут же сел голос. Он всегда у нее садился, если она волновалась или плакала.

— А ты поспешила с переездом. — Он как-то совсем уж безразлично пожал плечами и снова посмотрел на нее долго и внимательно — ее неподражаемо голубоглазый муж, до одури похожий на все портреты Есенина, которые она когда-либо видела. — Не нужно было торопиться, Таня. Мы же с тобой очень разные люди. Очень! И я... опять же сахар все время просыпаю, хотя и привык на всем экономить.

Его последний язвительный упрек был несправедливым. Санечке было это известно не хуже, чем ей. Но он для чего-то все равно его ей выдал.

— И что же дальше? — Татьяна осторожно протиснулась между рабочим столом и его коленками к холодильнику и, встав на табурет, потянулась к массажной расческе. — Мы прожили с тобой пятнадцать лет вместе. И что теперь? Расставаться? Из-за чего, господи?! Санечка! Из-за чего? Из-за сахара?

— И из-за сахара тоже. — Он интенсивнее заболтал ложечкой в стакане, свесив кудри почти до стола. — Я его постоянно просыпаю, ты постоянно из-за этого бесишься. А могла бы и промолчать. Но ты бесишься и бесишься, орешь и орешь, почти каждое утро. А могла бы...

— Могла бы что? — Она сунула расческу в карман халата, вернула табуретку на место и снова, старательно обходя его угловатые коленки, пробралась к выходу из кухни.

Бежать нужно было, как можно быстрее бежать, иначе они до такого договорятся, до чего никогда прежде не договаривались.

— Могла бы мне просто чай наводить с утра, и все! — воскликнул он вдруг с чувством и незнакомо громыхнул табуреткой. — Просто наводить мне чай с утра и еще готовить мне завтрак!

— Завтрак? Тебе? Но... Но я и сама никогда не завтракаю. — И вот тут Татьяна растерялась во второй раз.

В голову тут же полезли страшные мысли о другой женщине или об очередной, пропущенной ею, материнской подлости.

Нет, нет, Татьяна тут же поспешно отогнала их прочь. Материнские вылазки в стан врага — то есть в их дом — Санечка всегда озвучивал, подробно комментируя каждую маменькину реплику.

Женщина... Вряд ли. Он был по натуре однолюбом, и потом... Потом, Татьяна считала себя привлекательной, а таким женщинам, по ее мнению, не изменяют мужчины.

Она тогда еще просто не догадывалась, что изменяют всяким.

Оделась она в рекордно короткое время, чего раньше не делала бы никогда. Женщина должна, нет, она просто обязана безукоризненно выглядеть. Но в это утро все с самого начала пошло не так, потому и одевалась второпях. Металась, будто сумасшедшая, между шкафом с одеждой и зеркалом и совсем упустила из виду тот факт, что на полках сильно поредели стопки с одеждой. Совсем не разглядела, дурочка! А оказалось...

Оказалось, что он уже собрал свои вещи и уложил их в большую дорожную сумку. И сумку Татьяна проглядела тоже, а та ведь стояла в шкафу, притулившись у задней стенки и задевая собой край ее белого

плаща. Спешила, вот и не разглядела. А вечером... Вечером он не вернулся. Не вернулся, а просто позвонил.

— Ты где, милый? — вяло поинтересовалась Татьяна и с силой подавила зевок, так хотелось спать, просто ужас, но Санечка не терпел, когда она зевала в трубку, пришлось сделать над собой усилие. — Уже поздно, заканчивай свою экономическую бодягу и дуй домой. Я ребрышки зажарила.

Ребрышки она еще не успела зажарить, а только собиралась. Но не говорить же ему об этом, когда так поздно и голос у него такой усталый и печальный. Татьяна надеялась на то, что, пока муж будет добираться домой с другого конца города, все успеет изжариться, подогреться и вскипеть. Но...

Но Санечка вдруг сказал:

— Не нужно ничего, Татьяна. — Он крайне редко называл ее так, раза три-четыре за всю их совместную жизнь.

— Чего не нужно? — Она все же зевнула украдкой, прикрыв трубку ладошкой.

— Ни ребрышек не нужно, ничего. — Санечка тяжело и протяжно вздохнул и зашуршал чем-то оглушительно, а потом... — Я ушел, Татьяна.

— Куда ушел? — Очередной зевок был не за горами, и она с силой стиснула зубы, пропустив весь трагизм момента мимо ушей. — Саня, хватит уже, соберись домой. Ирка где-то мотается, не звонит, одиннадцатый час уже! Сил мне с вами нет никаких...

— За Иришку не беспокойся, она у меня, — проговорил ее муж сдавленным, не похожим на свой собственный, голосом.

— У тебя где?! На работе?! — Татьяна мгновенно всполошилась.

Контора мужа располагалась на самой окраине. Подступом к ней служил огромный пустырь, засажен-